

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА
В ЛИЧНОСТНОМ ОНТОПРОЕКТИРОВАНИИ:
ОТ СТРАХА К ВЕРЕ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
АНТРОПОКОНТУРОВ С. КЬЕРКЕГОРА И В. В. РОЗАНОВА)

Ю. В. Серебрякова

Современный гуманитарный институт

Поступила в редакцию 10 октября 2018 г.

Аннотация: целью статьи является рассмотрение возможных способов преодоления страха как причины кризиса экзистенции в построении разомкнутого антропоконтура (самосознания Я) в работах двух основателей экзистенциализма – В. В. Розанова и С. Кьеркегора. В поиске стратегий преодоления экзистенциального кризиса автор сравнивает возможности метода личностного (экзистенциалистского) онтопроектирования с возможностями субстанциалистского онтопроектирования и приходит к выводу о внутреннем ограничении субстанциализма установкой на познание, объективацию, универсальность, отрицание.

Ключевые слова: экзистенциализм, субстанциализм, личностное онтопроектирование, экзистенциальный кризис, антропоконтур, страх, вера, самотождественность.

Abstract: the aim of the article is to consider possible ways of overcoming fear as the cause of the crisis of existence in the construction of an open-ended anthropo-circuit (self-consciousness of self) in the works of the two founders of existentialism – V. V. Rozanov and S. Kierkegaard. In his search for strategies to overcome the existential crisis, the author compares the possibilities of the personal (existentialist) method of projecting with the possibilities of substantialist projecting and comes to the conclusion that there is an internal limitation of substanceism on the basis of cognition, objectification, universality, denial.

Key words: existentialism, substantialism, personal design, existential crisis, anthropokontur, fear, faith, self-identity.

Экзистенциальный кризис и в явной, и в скрытой формах порождается страхом, и участвовавшие катастрофы современного мира каждый день напоминают нам: вот, смотрите, вот ваш страх. Что вы готовы сделать с ним?

Конечно, можно наблюдать за катастрофами на экране телевизора, читать о них в Интернете или журналах: разрушено столько-то домов, погибло столько-то человек, спасено столько-то... Что дают нам эти цифры? Задевают ли они нас, в нашей будничной повседневности, если никаких катастроф у нас, в нашем городе, не происходит (а если и происходят, то просто по случайности, как несчастный случай)? Понятно, что можно дистанцироваться от этой негативной «новостной информации». Многие так и поступают.

Но катастроф становится всё больше. Они подступают всё ближе. И в конце концов и наш город тоже оказывается втянут в состояние пани-

ческого страха, потому что произошла катастрофа. Потому, что погибли родные или друзья, – люди, совершенно не заслуживающие такой нелепой смерти. Что же теперь делать со всем этим?

Очевидно, что необходимо предупреждать экзистенциальный кризис, пока он еще не случился, пока еще катастрофа (не на экране, а в жизни) не собрала своей страшной жатвы. Понятно также, что бороться необходимо самим с собой, причем для того, чтобы катастрофы не случилось вовсе. Необходимо учиться менять себя самостоятельно, собственными силами. И с экзистенциальным кризисом, и с породившим его страхом необходимо бороться, опираясь на работу разума, в том числе философскую работу.

Мы полагаем, что экзистенциальный кризис – это особое состояние бытия-на-пределе, границей которого является сингулярность постоянного эмоционального возвращения к безысходности отчаяния и страха. Эта сингулярность самообратима и «замыкает» антропоконтур (самосознание Я), не давая возможности человеку преодолеть ситуацию.

В связи с этим целью нашего исследования является рассмотрение возможных способов преодоления страха как причины кризиса экзистенции в построении разомкнутого антропоконтура в работах двух основателей экзистенциализма – В. В. Розанова и С. Кьеркегора.

Методом нашего исследования мы выбираем онтопроектирование (термин проф. Ю. М. Резника [1, с. 175]), т. е. взгляд на представление о мире как проекте и человеке как проектировщике собственной судьбы; причем мы выбираем личностное онтопроектирование, впервые обозначенное именно в парадигме экзистенциализма. Антропоконтур в личностном онтопроектировании, как мы увидим далее, отличается от антропоконтура, описанного в субстанциалистской парадигме.

Обращаясь сегодня к наследию экзистенциализма, нетрудно заметить, что все смысловое богатство оригинальных текстов не помещается в схематичные упоминания учебников и справочников. Особенно это касается двух философов, которых относят к предтечам экзистенциальной парадигмы, – С. Кьеркегора и В. В. Розанова. Дело тут и в обширном наследии, опубликованном к тому же зачастую под псевдонимами, и в разнообразии методов, которые используются для его понимания [1–5]. Попробуем самостоятельно найти «точки соприкосновения» в размышлениях этих авторов.

Первое, что объединяет этих стилистически отличающихся друг от друга философов, – это их принципиальная позиция «частного мыслителя», т. е. такого мыслителя, который ничего не доказывает и не аргументирует, не служит Великой Идее или общественному прогрессу, а «просто дает надлежащее имя тому, что чувствует и о чем мыслит в данный момент» [6, с. 84]. Другими словами, частный мыслитель решает свои личные трудности, не претендуя на универсальную значимость собственных размышлений. У обоих философов, в этом смысле, одна интонация – они рассказывают о себе, о своем пути.

Второе – это «небрежность», некоторая нестройность текстов. Впрочем, эта небрежность, например, у Розанова, по мнению Г. В. Мелихова [там же, с. 86], исходит из ощущения причастности к миру и личного отношения ко всему, даже к Богу: «Что такое Бог для меня? Боюсь ли я Его? Нисколько. Что Он накажет? Нет. Что Он даст будущую жизнь? Нет. Что Он меня питает? Нет. Что через него существую, создан? Нет. Так что же Он такое для меня? Моя вечная грусть и радость. Особенная, ни к чему не относящаяся... Бог для меня всегда “он”. Или “ты”; – всегда близок. Мой Бог – особенный. Это только мой Бог; и еще ничей. Если еще “чей-нибудь” – то этого я не знаю и не интересуюсь. “Мой Бог” – бесконечная моя интимность, бесконечная моя индивидуальность...» [7, с. 230].

Третье – именно к Богу были устремлены мысли обоих философов – у Розанова, по его признанию, с отрочества («Бог поселился во мне»); у Кьеркегора – пожалуй, с момента драматичного расставания с невестой и полного погружения в размышления о пути к Богу. Однако ни того, ни другого не устраивает некоторый «автоматизм» ритуалов и консерватизм Церкви в способах разрешения сомнений Я. И В. Розанов и С. Кьеркегор не принимали *только* ритуальную сторону веры; каждый из них искал свой собственный путь и выстраивал личные отношения с Богом.

Казалось бы, это личное обращение к Богу в трансцендировании – продолжение (или возвращение?) к субстанциальной парадигме, наследию И. Канта и Г. Гегеля. Однако можно ли утверждать, что антропоконтур (самоосознание Я) В. Розанова и С. Кьеркегора задан только субстанциальной логикой?

Придется признать, что нет. Ни русский, ни датский философы, в отличие от великих немцев, не ставили перед собой цели *познания* мира; не утверждали Я, субъекта как творца культуры и истории и как «высшее существо». Объединяет двух мыслителей и представление о мире не как управляемом универсально-значимым началом (Абсолютом). Если для Г. Гегеля Мировой Дух, пребывающий в «разорванности», может быть опосредован в спекулятивных размышлениях философа (и в этом человек становится своеобразным «проводником» воли Абсолюта к Иному) [8], то отношение к Богу у В. Розанова и С. Кьеркегора совершенно другое. Бог – это то, к чему еще стоит прийти.

И путь к этому чувству причастности ко всему миру и Богу они начали не с той точки, откуда начинает Гегель (признание изначальной данности универсального Абсолюта, одинакового для всех и признание власти этого Абсолюта над миром) [9], а наоборот, с признания сомнения в том, что традиционное отношение к Богу верное. И для Кьеркегора, и для Розанова Бог – личный, «свой», и отношение к Нему тоже личное, не похожее ни на обыденное преклонение, с одной стороны, ни на признание трансцендентальной сущности человека, проявляющейся в его родовых качествах и стремлении к совершенствованию, а точнее в подчинении себе всего неразумного [10, с. 157], – с другой.

У обоих мыслителей мы не найдем следов того признания, которое сделал в свое время И. Кант в «Критике чистого разума» относитель-

но *отрицаний* – единственных предикатов, с помощью которых от Бога можно отличить всё остальное [11, с. 749]. Однако и у Кьеркегора, и у Розанова мы не встретим *отрицания* как метода, даже тогда, когда они пишут о страхе. Напротив, они не отрицают, а приглядываются к страху, пытаются понять, что он делает с людьми.

И В. Розанов, и С. Кьеркегор не заняты *определением* «высшей реальности», им важно понять (или «уловить звучание смысла», по Розанову), что со-ответ-ствует в них самих Абсолюту.

Здесь, пожалуй, нам следует прояснить наше понимание субстанциалистского онтопроектирования: попробуем посмотреть на особенности построения антропоконтура не со стороны экзистенциалистов В. Розанова и С. Кьеркегора, а со стороны И. Канта и Г. Гегеля.

Повторим, что оба немецких мыслителя начинали с преодоления традиционного средневекового религиозного тождества: «Абсолют есть Благо для всех, Абсолют есть Абсолют». Это тождество держится «скрепами» веры и, согласно религиозной традиции, подтверждается представлением о Боге как Совершенстве. Абсолют – Идеал, к которому должен стремиться человек; но также и то, что указывает на несовершенство самого человека. И. Кант и особенно Г. Гегель смещают акцент в своей философской практике с веры на работу разума – действительно, философа от религиозного деятеля отличает обращенность к аргументам логики, рациональности. Собственно, отсюда и проистекает установка немецких мыслителей на *познание* мира и Абсолюта, причем познание универсальных законов, согласно которым этот мир существует.

Антропоконтур в этой парадигме строится на признании принадлежности человека двум мирам: миру феноменов и миру ноуменов. Казалось бы, человеку достаточно поступать так, чтобы это стало «основой всеобщего законодательства», т. е. поступать согласно своим представлениям о собственной божественной природе. Но что же делать, если люди (причем довольно часто) безжалостны, грешны, далеки от сострадания, да и просто могут совершать ошибки по неведению? Признать, что это следствие вмешательства Дьявола (согласно религии) или что это недостаточно осмысленное собственное поведение (согласно философии)? И здесь, казалось бы, есть два выхода. Религиозный – замаливать грехи. Философский – осознать свою ошибку и больше не повторять ее. Но что, если оба эти выхода, оба решения не приносят должного спокойствия, а вместе с тем осознание ошибки далеко не всегда может содействовать ее исправлению? Ведь в этом случае универсального ответа не существует...

Следовательно, возможности личностного онтопроектирования в экзистенциализме по сравнению с субстанциалистским шире: это не просто упование на высшее универсальное начало, определяющее собой весь мир, это – самостоятельная работа по преодолению кризиса в его осмыслении, открытость и начинаниям (у Кьеркегора – каждый трактат как размышление «с начала»), и повторениям освоенного опыта экзистенции, освоенных сфер духовной жизни (у В. В. Розанова).

Мы полагаем, что по способу ответа оба мыслителя выстраивают свой собственный, а именно процессуальный и подвижный антропоконтур, с вариантами различных «выходов» из кризисной ситуации: контуры человечности (достойного человеческого поступка, «звучащего» смыслом) не (пред)заданы у них абстрактной универсальной силой извне, а услышаны изнутри. Внутренняя диалогичность (а если мы вспомним о псевдонимах, то и полилогичность) указывает на родство антропоконтуров С. Кьеркегора и Ф. М. Достоевского [12], Ф. М. Достоевского и В. В. Розанова [13], В. В. Розанова и М. М. Бахтина [14]. Конечно, смысл разворачивает и меняет конфигурацию антропоконтура у каждого мыслителя по-своему, через собственную тематизацию.

Так, в трактате С. Кьеркегора «Понятие страха» [15] рассмотрены и упорядочены по степени глубины различные виды страха: от «райского страха» Адама до страха, спасающего через веру. Однако прохождение через все стадии страха не выстроено иерархически. Как отмечает С. С. Хоружий, «последней ступени предшествует формация «демонического страха», несущая в себе усиленное, максимальное отталкивание и замыкание от веры. Здесь – характернейшая для Кьеркегора логика «максимального приближения через максимальное удаление»: максимальное удаление, осознанная конфронтация с верой возможны лишь для высокоразвитой внутренней реальности, и оттого они суть ценное духовное событие, сразу же за которым может свершиться спасающий переворот в сознании» [16, с. 164].

Максимальное удаление от веры в максимальном погружении в состояние страха необходимо С. Кьеркегору, чтобы правильно понять страх: это – не просто чувство, это – «воспитание возможностью», возможностью понять себя и избавиться от всего «мелочного», увидеть и сосредоточиться на самом главном. Поэтому тому, кто учится, «страх входит в душу и внимательно осматривает всё, и устрашениями выманивает из него всё конечное и мелкое, а затем ведет его туда, куда он хочет идти», т. е. к вере и доверию своей судьбе [там же, с. 211].

Невозможность объективации страха, особенно страха перед смертью, ведет к принципиальной установке датского мыслителя на личную, самостоятельную работу с этим состоянием. Страх становится «прислуживающим духом» только тому, кто правильно понял его смысл – а смысл страха не в том, что он ужасает, а в том, что ведет к вере. Если же тот, кто учится, понял страх неправильно, но он погиб, стараясь бежать. Никого еще не спасало бегство от собственных страхов. Вот почему необходимо остаться со страхом и дать ему возможность войти в душу для того, чтобы проверить себя: что истинно, а что – ложно, что имеет смысл, а что – нет.

В противоположность философским исканиям Кьеркегора, жителя мирного Копенгагена, последнее произведение В. Розанова, «Апокалипсис нашего времени», буквально пропитано страхом. Философ оказался свидетелем реальной социальной катастрофы – революции, крушения империи. «Россия слиняла за три дня», – с удивлением и горечью пишет он. Больше прежнего мира нет, ничего уже нельзя исправить. Как жить

дальше? Все, что было важно, потеряло всякий смысл. А новый смысл, революцию, с ее террором и произволом принять невозможно. Да, есть семья, и о помощи для нее Розанов умолял своих читателей. Сам же не выжил.

Мир, разрушенный революцией и голодом, подразумевает «новое строительство», однако Розанов не принял разрушение ради такого строительства. Что было дальше, известно. Понятно, что Розанову в этом «новом мире» не нашлось бы места, – как человеку частных мыслей, который прислушивается к постоянной и вечной «музыке в душе». Люди с «внутренними камертонами», размышляющие о Боге, Церкви, браке, еще очень долго были в России «в тени».

Однако именно в последней работе В. Розанова, «Апокалипсисе нашего времени», мы находим удивительную цитату, сближающую русского философа с С. Кьеркегором: «помни: жизнь есть дом. А дом должен быть тепел, удобен и кругл. Работай над «круглым домом», и Бог тебя не оставит на небесах. Он не забудет птички, которая вьет гнездо» [17, с. 376]. У Кьеркегора есть одна молитва, которую очень высоко ценил М. Хайдеггер, – «Чему нас учат птицы небесные и полевые лилии»: а учат они смирению, терпению, самотождественности и труду. Это именно то, что размыкает антропоконтур и русского, и датского философов, – тот экзистенциальный опыт, который помогает в ситуации кризиса. Даже, как мы видим на примере В. В. Розанова, в ситуации духовного кризиса из-за социальной катастрофы.

Итак, активный поиск собственного пути к вере задает особый режим работы с антропоконтуром (самоосознанием Я): открывается возможность «разомкнуть» его в новый опыт экзистенции. Это значит, что сингулярность постоянного эмоционального возвращения к переживанию утраты, «замыкание» в себе и на себя, могут быть преодолены.

Для В. В. Розанова таким опытом стали гармоничные отношения в семье [18]. Именно здесь, у себя дома, труженики («творец» и «домоводка») чувствуют себя защищенными, потому что уверены друг в друге, прислушиваются друг к другу, открыты любви и взаимопониманию. Мы можем проследить дальнейшее теоретическое развитие этого антропоконтура в работе современной исследовательницы К. Джойстен [19].

Для С. Кьеркегора таким способом «размыкания» антропоконтура, как мы полагаем, становится спонтанность, интуитивность [20, с. 165], отказ от попыток объективации и обнаружение самого важного, что «высветил» в душе страх. Осмысление самого важного – преодоления страха на пути к вере – становится возможным не по лекалам готовых «схем и инструкций», а через интуицию [21, с. 123], воспитание в себе готовности к встрече со страхом и стремление к подлинному существованию [22, с. 440].

Работы В. В. Розанова и С. Кьеркегора напоминают нам, что, как бы ни было трудно преодолевать экзистенциальный кризис, мы можем пытаться идти к уверенности в себе: ведь страх – состояние, маркирующее разлад в самотождественности, но не отменяющее ее. Линия антропо-

контура очерчивает весь опыт экзистенции, и здесь можно найти опору в уже пережитых, но не забытых целостности, следовании своему сердцу, заботе о близких, дружбе, вере и любви.

Литература

1. *Резник Ю. М.* Феноменология человека : бытие возможного : монография / Ю. М. Резник. – М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. – 632 с.
2. *Бибихин В. В.* Поиск своего в «Алкивиаде» Платона / В. В. Бибихин // Логос. – 2011. – № 4 (83). – С. 63–88.
3. *Гайденко П. П.* Прорыв к трансцендентному : новая онтология XX века / П. П. Гайденко. – М. : Республика, 1997. – 495 с.
4. *Грякалов А. А.* Понимание и неопределенность (опыт В. В. Розанова) / А. А. Грякалов // EINAÏ : Проблемы философии и теологии. – 2016. – Т. 5., № 1–2 (9–10). – С. 80–106.
5. *Фролов А. А.* Понятие стиля в неклассической философии. Компаративный анализ философии В. В. Розанова и Л. Витгенштейна / А. А. Фролов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : вопросы теории и практики. – 2014. – № 8–2 (46). – С. 188–194.
6. *Мелихов Г. В.* Чуть в сторону, но всё же в направлении к В. Розанову : философия частного образа мыслей / Г. В. Мелихов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия : Философия. Филология. – 2007. – № 2. – С. 83–95.
7. *Розанов В.* Уединенное / В. Розанов // Соч. : в 2 т. – М. : Правда, 1990. – Т. 2. – 718 с.
8. *Серебрякова Ю. В.* Метафоры экзистенциального кризиса в контексте классической немецкой философии : отрицание как активность Абсолюта (часть 1) / Ю. В. Серебрякова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота. – 2017. – № 3–2 (77). – С. 153–156.
9. *Серебрякова Ю. В.* Экзистенциальный кризис и «руины» das Ding / Ю. В. Серебрякова // Общество : философия, история, культура. – Краснодар : Хорс, 2018. – № 4. – С. 23–26.
10. *Фихте И. Г.* Несколько лекций о назначении ученого / И. Г. Фихте. – СПб. : Наука, 2008. – 752 с.
11. *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках : в 4 т. / И. Кант. – М. : Наука, 2006. – Т. 2, ч. 1: Критика чистого разума. – 1081 с.
12. *Фришман А.* Достоевский и Кьеркегор : диалог и молчание / А. Фришман // Достоевский в конце XX века : сб. ст. – М. : Классика плюс, 1996. – С. 575–591.
13. *Бонецкая Н. К.* Предтечи русской герменевтики / Н. К. Бонецкая // Вопросы философии. – 2014. – № 4. – С. 90–98.
14. *Тамарченко Н. Д.* М. Бахтин и В. Розанов / Н. Д. Тамарченко // Бахтинология. Исследования, переводы, публикации : к столетию рождения М. М. Бахтина (1895–1995). – СПб. : Алетей, 1995. – С. 171–178.
15. *Кьеркегор С.* Понятие страха / С. Кьеркегор. – М. : Академ. проект, 2014. – 224 с.

16. Хоружий С. С. Неотменимый антропоконтур. 4. Философия Кьеркегора как антропология размыкания / С. С. Хоружий // Вопросы философии. – 2010. – № 6. – С. 152–166.

17. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени / В. В. Розанов. – М. : ЭКС-МО, 2015. – 640 с.

18. Валевич Е. С. Метафизика пола в русской и западной философии XIX – начала XX в. / Е. С. Валевич, М. Д. Рэйляну // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2016. – № 2 (11). – С. 19–22.

19. Joisten K. Das Haus, die Tür und die Wege : Toleranzen des Menschen zwischen drinnen und draußen / K. Joisten // Studia hermeneutica. Neue Folge. Band 1 : Toleranz, Pluralismus, Lebenswelt. / Hrsg. E. Hufnagel, und Ju. Zovko. – Berlin : Parerga-Verlag, 2004. – P. 111–133.

20. Серебрякова Ю. В. Превращения метафоры экзистенциального кризиса в контексте неклассической европейской философии (часть 2) / Ю. В. Серебрякова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : вопросы теории и практики. – 2017. – № 9 (83). – С. 161–165.

21. Стоцкая Т. Г. Феномен рациональности : философская традиция и современные интерпретации / Т. Г. Стоцкая // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Серия: Философия. – 2009. – С. 122–130.

22. Мерзлякова Н. Н. Проблема «подлинного существования» в экзистенциальном проекте С. Кьеркегора / Н. Н. Мерзлякова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6, Политология. Международные отношения. Философия. – 2009. – Вып. 2. – С. 438–444.

Современный гуманитарный институт

*Серебрякова Ю. В., кандидат культурологии, доцент кафедры философии
E-mail: Julia_serebro@mail.ru
Тел.: 8(909) 064-97-90*

Modern Humanitarian Institute

*Serebryakova Yu. V., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Philosophy Department
E-mail: Julia_serebro@mail.ru
Tel.: 8(909) 064-97-90*